

ПОТОК

ПОТОК 1. МУРАВЕЙ НА КРЫЛЬЦЕ	2
ПОТОК 2. ДОМИК В ЦЕНТРЕ МИРА	6
ПОТОК 3. КИТАЕЦ ПРИШЁЛ	10
ПОТОК 4. КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА	14
ПОТОК 5. ДЕВОЧКИ И ИЕРОГЛИФЫ	18
ПОТОК 6. ДОМ № 57	22
ПОТОК 7. КВАРТИРА № 11	26
ПОТОК 8. ЧЁРНЫЙ ХОД	30
ПОТОК 9. ПОЛЁТ ДРАКОНА	35
ПОТОК 10. КЛАДБИЩЕ	43

ПОТОК 1. МУРАВЕЙ НА КРЫЛЬЦЕ

Образно поток может быть представлен как дерево, из каждой вершины которого выходит по меньшей мере одна ветвь.

(из интуиционистской математики)

20260312

Даже ракеты и бомбы, падающие на Иран, не могут растопить снег в лианозовском парке.

А солнце может только медленно и нежно.

Снег весной не такой как зимой,

он не кружит, не порхает,

он лежит и умирает.

И тогда он вспомнил что-то,

но как это вспомнил что-то?

правильнее что-то вспомнилось ему,

да и важно ли, что ему,

он тут не при чём,

просто что-то есть

и теперь всегда будет.

Из чего собран мир?

И тогда он вспомнил, что сидел на крыльце, солнце светило

утреннее, и по ступеньке полз муравей,

на плетне торчали горшки и крынки,

спускалась к дороге тропинка,

и дальше спускалась к пруду,

никогда не ловил он рыбу в этом пруду.

А дядя Толя ловил,

приезжал из Ленинграда и ловил рыбу.

Он это не видел,

или не помнил,

Интересен статус того, что не видел или не помнил,

оно есть по косвенным признакам.

Косвенным признаком была фотография, на которой дядя Толя

стоит на берегу пруда с удочкой в одной руке и с рыбой в другой

руке, улыбается счастливый.

По фотографии вычисляется: дядя Толя приезжал из Ленинграда и

ловил рыбу в пруду.

Вышла тётя Полина и позвала пить молоко.

Он не пьёт молоко, он всю жизнь пьёт чай.

Не помнит?

Тогда на крыльце был не он?

Крыльцу это без разницы.

Молоко тёплое, от коровы.

И тут он понял, что больше никогда не будет пить молоко тёплое, от коровы.

Муравей закончил своё путешествие, где он теперь?

Дядя Толя сначала защитил диссертацию по математике, но там вышел какой-то скандал, и были какие-то принципы, и дядя Толя написал и защитил диссертацию по рыболовству.

Он на Камчатке был.

Вычисляется по рассказам.

Дядя Толя был в Москве и уезжал обратно в Ленинград.

Он хотел ещё выпить, а мама была сестрой дяди Толи, она говорит, хватит пить перед дорогой, а дядя Толя хотел выпить, тогда бабушка налила ему водку в маленькую бутылочку и стала ему давать, мол, возьми с собой, дядя Толя возмутился и ушёл без бутылочки.

Ленинград отличается от Москвы, об этом есть много литературных источников, Топоров пишет об этом много, скучно, интересно, зацитированно, мифопоэтически, занудно, он сначала не читал, потом читал, кто ещё читал? тираж постсоветский 10000.

С бабушкой ходили за грибами и земляникой.

За прудом поле: круглое, выпуклое и жёлтое, потому что на нём растёт пшеница, или растёт рожь, теперь ничего не растёт.

За полем берёзовая рощица, поляна и лес.

Среди берёз и на поляне растёт земляника, земляника это всегда бабушка.

Ходишь вокруг берёз кругами и на каждом круге находишь гриб, они прячутся, а ты находишь, они прячутся, а ты находишь.

С точки зрения современной цивилизации жуткий архаизм, грибы постепенно из леса уходят.

Он приехал в Ленинград, в комнате дяди Толи стоял стол, он перегораживал вход в комнату, на столе лежали бумаги с рисунками рыболовных тралов и дифференциальными и интегральными вычислениями, дядя Толя умер.

Тётя Саша была женой дяди Толи, она потом умерла.

Тогда ещё не умерла, умер дядя Толя, а ещё раньше умер их первый сын, он повесился от несчастной любви, со вторым сыном и его женой ходили в Эрмитаж, потом второй сын тоже умер, но это было потом.

В Эрмитаже он долго рассматривал французские акварельки с процарапанными контурами, она удивлялась, чего он так долго,

когда в соседних залах всякие Матиссы и прочие достойные художники.

Он не знал.

На дворцовой площади он нашёл деньги, они лежали на диабазовой брусчатке, разве знал он, что она диабазовая, базальтовая, вулканическая, магматическая.

Он не знал.

А деньги нужно пропить, решил он.

И они напился со вторым сыном дяди Толи, т.е. двоюродным братом. Потом он умер, но это потом.

Он пришёл пьяный, тётя Саша ничего не сказала, или сказала, а он не помнил.

Ленинград совсем отличается от Москвы.

Он напился до бровей.

Куда делся муравей?

Разве так говорят «до бровей»?

Китайцы говорят: дожил до жёлтых бровей.

Он ещё не дожил до жёлтых бровей.

Он не помнил: сначала умерла Тётя Полина, а потом муж дядя Саша, или сначала дядя Саша, а потом жена Тётя Полина.

Дядя Саша умер летом, снега совсем не было, а солнце было.

Он шёл по просёлочной дороге от автобуса и асфальта к пруду и крыльцу.

Разглядывал цветы сорные.

Потом дорогу заасфальтировали, но это было потом.

Ходить по просёлочным дорогам.

Всё равно что лететь между звёзд.

Раньше он шёл по просёлочной дороге ночью, возвращаясь домой, оставив копну сена и её, над головой были звёзды, ещё были зарницы, был август, а впереди было круглое выпуклое поле.

Август особенный месяц.

Но дядя Саша умер в июле.

Или в июне?

Или всё-таки в августе?

На крыльце и вокруг было много людей.

Где муравей?

Изба кошмарно разделена на клетушки, ну, там Юрка, двоюродный брат, сын тётки Полины и дяди Саши, жена Юркина, дети какие-то.

Это Юрка тогда повёз его на мотоцикле в дачный посёлок, а оттуда он возвращался один ночью, оставив копну сена и её, над головой были звёзды, ещё были зарницы, был август, а впереди было круглое выпуклое поле.

Дядю Сашу похоронили, Юрка на землю бросился, плакал, кричал что-то.

А было ли кладбище? Был край поля, была рощица, была тропинка.

Прохожий шёл по тропинке, остановился, поправил могилку, сказал что-то, достал бутылку.

Этот прохожий был странник.

Странники странные.

Странник сказал дяде Саше «Ну, твоё здоровье!» и выпил.

Да было ли это, или приснилось, или придумалось, странные они, странники.

А хорошо вот так на краю поля у рощицы около тропинки.

Потом Юрка помер, но это было потом.

А раньше он взял Юркин велосипед покататься, Юрка разозлился: «Сломаешь!», подрались, но недолго, разняли.

Стал на качелях качаться, между двух берёз, смотреть на крыльцо и пруд.

Ещё раньше качели между двух сосен.

Снега совсем не было, даже весеннего припухшего.

Лето было. Но ещё не август.

Она подошла и сказала, а что сказала, неизвестно, разве важно что сказала, иногда кажется, что люди говорят слова, которые не имеют ни смысла, ни значения, ни причины, ни цели, потому что это всё не важно.

Было лето были сосны

кровеносны

светоносны

смертоносны.

Из коры сосны можно делать кораблики.

Она подошла и сказала.

Железная палка вбита обоими концами в тела двух сосен, на двух верёвках висит деревянная короткая доска, качаешься, качаешься, то земля, то небо, а потом не качаешься, потому что она подошла и сказала.

Если снизу вверх смотреть на сосну.

Если идти между сосен.

Если на земле густая хвоя не даёт расти траве.

Там наверху шепчет ветер.

По хвоинке ползёт муравей.

В смутные времена живём, так он думает каждый раз, когда вспоминает что-то (что-то вспоминается ему, хотя он здесь не при чём).

ПОТОК 2. ДОМИК В ЦЕНТРЕ МИРА

Образно поток может быть представлен как дерево, из каждой вершины которого выходит по меньшей мере одна ветвь.

(из интуиционистской математики)

20260313

В центре мира в домике по полу ходит птица-удод.
Он идёт от кровати к кафельной печке, а потом идёт обратно.
Птица-удод. Он ходит по полу.
Ещё раз.
Птица-удод.
Он проживёт несколько дней, а потом умрёт.
Если качаться на качелях, то впереди торец домика, и немного справа.
А на другой торец домика падает солнце.
Здесь нет окон и дверей, только доски вертикальные, жёлтые от солнца.
На стене можно писать надписи, но никто не писал, и невидимые надписи проступали на стене торца домика, если их прочитать, что-то узнаешь.
Тут стоят сосны и ещё стоят берёзы. Они читают.
Самое главное происходит тогда, когда ничего не происходит.
Нужно, чтобы светило солнце, и от него падали лучи.
Можно поговорить с кем-то молчаливым.
Когда с людьми разговариваешь, много шума.
С птицей-удодом не удалось поговорить, он ушёл в себя.
А она что-то болтала, болтала.
За низким штaketником был песок, и проходила колея железной дороги.
По железной дороге проходили поезда, все они были не пассажирские.
Поезда проходили не каждый день, редко проходили.
Они приближались, что-то кричали, и уходили вдаль и скрывались за поворотом.
Он понял, что делает время: оно сначала замедляет поток, потом останавливает его, разрезает на кубики и складывает из кубиков стену, похожую на Великую китайскую стену, только ветвящуюся, как ветвится дерево, только у дерева нет верхушки и нет корней.
Он подумал, что у дерева должен быть корень и должна быть верхушка, ведь его время когда-то началось и когда-то закончится, но оказалось, что это не так: Великая китайская стена

уходит в обе стороны неизвестно куда, по ней можно уйти туда, где тебя ещё не было, и уйти туда, где тебя уже не будет.

А сейчас кусок ствола сосны, ветвей нет, разве какой сучок засохший, или ещё один, и кора шершавая, из неё можно делать кораблики.

Наверху кора оранжевая и жёлтая и шелушится.

Если вбить железную палку обоими концами в тела двух сосен, то сосны так и будут расти с этой палкой, и она будет всё выше и выше от земли, и качели будут взлетать всё выше и выше.

Стометровая дорожка начиналась в нескольких метрах от торца дома, проходила вдоль штакетника, за которым проходила железная дорога, и заканчивалась там, где штакетник заворачивал направо.

По стометровой дорожке бегали солдаты, они тренировались.

Он тоже бегал.

В соседнем кубике за штакетником, который поворачивал направо, были: колодец, домик лесника, здание железнодорожной станции.

Всё это на песке.

У лесника была собака, она была рыжая, её звали Рекс.

Он не помнит имена людей, не помнит, как звали людей из соседнего домика, не помнит, как звали лесника.

Собаку Рекс помнит.

Собака Рекс помнится ему, хотя он здесь не при чём.

Собака Рекс бегала.

А может быть, это не лесник, а егерь.

А может быть, это не егерь, а станционный смотритель.

А может быть, это не станционный смотритель, а непонятно кто и зачем он тут живёт.

Хотя, наверное, уже помер, потом.

Он ничего про это не знает, странно, что лесник жил, потом помер, а он про это ничего не знает.

И у него была собака Рекс.

В колодце была вода.

На дне.

И железная цепь.

И деревянный ворот.

И железная рукоятка.

Солнце падало внутрь колодца на воду.

Если смотреть вниз, голова загораживает солнце, и получается далеко внизу голова в синем небе.

Когда поднимаешь ведро и ставишь на край сруба, вода обязательно выплёскивается и падает на песок.

Песок шипит.
Вода холодит.
Голова в небе летит.
Собака Рекс бежит.
Лесник на крыльце стоит.
Станция заброшенная,
станция деревянная,
крыша дырявая,
пол с дырками,
окна дыры,
двери дыры.
У неё острые вершушки.
Станция похожа на замок,
станция похожа на дворец.
Из какой-то сказки какого-то народа, народные сказки все страшные, народные сказки все чудесные, народ безыскусен, не любит искусства,
Поезда редкие, проходят мимо, никогда не останавливаются у станции.
Приходишь на станцию и не хочется уходить.
Потом уходишь, а станция продолжает.
Что она продолжает?
Приходят поезда, пыhtят, останавливаются, пассажиры выходят на станцию, пассажиры толпятся на станции, дети кричат, женщины ругаются, мужики пьют, все спотыкаются о багаж, гудок гудит, свисток свистит, поезд пыhtит, поезд уходит.
Заброшенная станция.
Страшно, но страх сладкий.
И ещё глубокая задумчивость.
А всё потому, что кругом песок, песок мелкий, песок светлый, он шуршит, песчинки двигаются медленно-медленно.
На дне лунки ждёт муравьиный лев.
Он ждёт своего муравья.
Песчинки осыпаются чуть-чуть.
Сосны глядят сверху в лунку.
На рижском взморье нет муравьиных львов, вместо колодца море, сосны кривые.
Дзинтари дзынь-дзынь.
Они договорились встретиться на следующий день на бульваре Райня, где угол с бульваром Бривибас, где доходный дом, гестапо, НКВД, КГБ, полиция, музей оккупации, откуда прекрасно виден памятник Свободе, где на вершине девушка Мильда.
Она не пришла.

Ну, конечно, сказала бабушка, она же латышка.

Другая бабушка.

Он помнил бабушку-еврейку, себя в нелепой тюбетейке, две груды яблок на столе, и георгины в хрустале.

Кубики Великой китайской стены окончательно успокаиваются спустя довольно долгое время, как песчинки, которые осыпаются в лунку и останавливаются на дне лунки.

Или как муха в янтаре, который можно найти на рижском взморье, но он не нашёл.

Или как пожелтевшие страницы в старых папках архива с рукописными узорами слов, не оцифрованных, не подверженных исчезновению с отключением электричества.

Или как старый галстук, завалявшийся в шкафу, потому что зачем выбрасывать хорошую вещь, даже если она вызывает лишь удивление, разве он носил галстук? он сто лет не носит галстук, он его и завязывать-то не умеет, жуткая архаика.

Это есть, потому что давно уже ничего такого нет.

Вечность это небытие, подумал он, и эта мысль его успокоила, ведь небытия полным-полно, оно везде, оно рядом, оно близко, вот кто-то помер, и уже небытие, значит, и вечности полным-полно, она везде, она рядом, она близко, и она живая, она шевелится и жужжит, только очень медленно и очень тихо, как муха в янтаре.

Он ходил по Риге и фотографировал фотоаппаратом «Весна», в том числе, и Мильду на вершине памятника Свободы.

Мильда Ивановна была старой большевичкой, она вышивала гладью, а его учила вышивать крестиком.

У неё в комнате пахло странно, но не неприятно.

Её комната была первой справа по коридору, а его комната была пятой слева по коридору.

По коридору можно было кататься на велосипеде.

Он приходил в комнату Мильды Ивановны, и что?

Вышивал крестиком, а она гладью.

О чём-то говорили, говорили слова, которые не имели ни смысла, ни значения, ни причины, ни цели, потому что это всё не важно.

Ещё они ходили в парк Сокольники, проходя по разным улочкам и переулкам.

На обратном пути после железнодорожного моста, на углу улиц Бакунинская и Большая почтовая, около церкви Покрова Богородицы в Рубцова, никакой церкви он не знал, а на стене была табличка «Русская хоровая капелла», но в церкви не было капеллы, потому что она была православной, а не католической, хотя он не проверял, потому что не заходил в церковь, не думал о Боге, Мильде Ивановне тоже не полагалось думать, как старой

большевичке, вот там он сказал Мильде Ивановне, что при коммунизме денег не будет.

Как же без денег? не согласилась Мильда Ивановна, чем немало его удивила.

Как же без денег?

ПОТОК 3. КИТАЕЦ ПРИШЁЛ

Образно поток может быть представлен как дерево, из каждой вершины которого выходит по меньшей мере одна ветвь.

(из интуиционистской математики)

20260314

Во второй половине дня в квартиру № 11 на втором этаже дома № 57 по Бакунинской улице вошёл китаец.

Какой-то странный кубик, подумал он, вот я стою на улице Бакунинская, нет тут никакого дома № 57, нет никакого второго этажа, нет никакой квартиры № 11, нет никакого китайца.

Есть скверик маленький и убогий.

Есть здание школы № 619.

Это не школа.

Есть бюст Иосифа Виссарионовича на постаменте.

Нет, Иосифа Виссарионовича уже свалили.

Иосиф Виссарионович лежит, уткнувшись носом в чёрную землю школьного сада.

Его почти не видно за цветущими ветвями яблонь и груш.

Нет никакого школьного сада.

Нет никаких яблонь и груш.

Нет никакого Иосифа Виссарионовича.

Если смотреть с улицы Бакунинская на Иосифа Виссарионовича, то справа красная стена.

Почти без окон.

Стена дома № 57.

Недалеко от Иосифа Виссарионовича около красной стены окопы.

Старичок спрятался в окопе от бомбёжки.

В окоп прилетает бомба.

Старичок, естественно, помирает.

Нет никакой красной стены, нет никаких окопов, нет никакой бомбы, нет никакого старичка.

В конце красной стены, чуть за углом, недалеко от второго входа в школу № 619 стоит тополь.

Тополь большой.

Он стоит.

Тополь заглядывает во двор дома № 57.

С тополя падают тополиные серёжки.

Тополиные серёжки, тополиные серёжки
подарил Полине маленький Серёжка

А Полина говорит:

ты дурак что ли?

Нет никакого двора дома № 57.

А тополь стоит.

Тополь большой.

Он спросил у тополя.

Тополь сказал:

всё то, чего нет, есть, у него крепкие корни, корни глубокие,
а то, что есть, ещё не совсем есть, корешки слабенькие.

Над школьным садом громко звучит песня «Москва-Пекин».

Красная стена смотрит на это в Начале лета года Красной
обезьяны.

Есть документальная фотография у красной стены.

Матроска — разновидность стиля одежды, отличающаяся
заимствованными элементами флотского костюма: сине-белая
полоска, напоминающая тельняшку, и матросский воротник.

Заимствована, естественно, из Великой Британии.

Птичка из фотоаппарата так и не вылетела.

Почему помер птица-удод?

Почему померла курица Чернушка, понятно.

Ей отрубили голову, и она бегала без головы по кругу.

От этого и умерла.

Птица-удод был грустный.

Он умер от грусти.

К северу от центра мира тысячелистника белое поле и сосны вдали
и вокруг.

По кругу время не движется.

Время само есть круг, заполненный соцветьями перемен.

В сухом перестукивании стеблей выстраивается мелодия пути.

12 перекрёстков на нём как 12 нот.

4096 число перемен.

Тысячелистника белое поле то ли рождает время, то ли хоронит
время.

Даже ночью тысячелистника белое поле горит над миром.

Но каждый знает: тысячелистник всего лишь трава.

Поэтому и говорят: «Небо и Землю соединяет трава».

Тысячелистника белая тень.

Невычислимая боль перемен.

Среди белых соцветий тысячелистника изредка попадаются розовые соцветия.

Все знают, что розовые соцветия тысячелистника это хорошо.

В розовых соцветиях тысячелистника меньше грусти.

Не пора ли нам умереть?

Через белую поляну проходит путь.

Тропинка ныряет под белый цвет к тысячам зелёных стеблей и листьев, к жёлтой земле.

Тысячелистника белое поле зеркало неба.

Десять тысяч перемен созревают в чашечках цветов.

Гудят в напряжении и ожидании, и тишина низкий гул времени.

Ветер летящий делает круг, замирает в тёплом воздухе.

Тёмное золото сосен плывёт по кругу, по кругу.

Высоких сосен иероглифы теснятся в небесной плоскости древнего текста.

Пять тысяч иероглифов в том сосновом лесу вокруг поляны.

Ещё не прочитанный этот лес, не свершившиеся перемены тысячелистника, мутно белое зеркало.

Тропинка идёт к библиотеке.

Он идёт в библиотеку.

Библиотекаршу звали Зина.

Зина была высокой.

У Зины было длинное лицо.

Зина улыбалась.

Справа от белого поля, справа от тысячелистника белый дом.

В белом доме китайские военные солдаты слушают лекции русских военных офицеров.

Перед домом стоят скамейки, они стоят шестиугольником.

А в центре яма, куда бросают окурки.

Китайские военные солдаты отдыхают на скамейках, курят и разговаривают.

Он садится на скамейку и разговаривает с китайским военным солдатом.

Они разговаривают о жизни.

Они говорят слова, которые не имеют ни смысла, ни значения, ни причины, ни цели, потому что это всё не важно.

Недалеко от скамеек растёт цветок, называется мыльнянка.

А они её мыльницей называли.

Лепестки белые и розовые, цветоножка зеленоватая, похожа на гильзу, а внутри мыльная.

Нажимаешь на гильзу, кожица лопается и выстреливает зелёную пулю.

Во второй половине дня в квартиру № 11 на втором этаже дома № 57 по Бакунинской улице вошёл китаец.

В Рукуновом переулке
во дворе седого дома
старый тополь бросил тень.

Все называли его Рукуновым, а он был Рыкунов, так звали домовладельца полковника Рыкунова в конце XVIII века, теперь Балакиревский, так звали рабочего-революционера пуговичной фабрики Ронталлера и К°, теперь Балакиревской.

В той тени сидел китаец
опечаленный донельзя
от того, что слишком выпил
нехорошего вина.

Китаец подарил китайскую закладку для книг. С кисточкой.
Китайца усадили за стол, чтобы покормить и попить. Китайцу налили водки, а бабушка и мама пили домашнюю наливку. Китаец попробовал водку и быстро ушёл. Не понравилась водка? Он потом домой вернётся, нарисует горы-воды, и в беседке над обрывом будет долго созерцать.

В холодильнике под окном стояли две одинаковые бутылки: одна с водкой, другая с уксусом. Вот бабушка и перепутала: налила китайцу уксус.

И тогда напишет гатху
на углу своей картины
про вино и тень, и тополь
во дворе седого дома
в Рукуновом переулке,
где обрёл он просветленье
неожиданно совсем.

Холодильник под окном делали так: вынимали кирпичи, оставляя один внешний ряд, вставляли трубку железную, чтобы холодный воздух шёл с улицы, а со стороны комнаты навешивали дверцы. Когда на улице было холодно, продукты в холодильнике холодились. А что было, когда на улице было жарко, он не знал.

Наш русский уксус не то, что китайский уксус. Китайцы пьют свой китайский шаньсийский уксус и радуются. А наш русский уксус пить нельзя. А китайский шаньсийский уксус он пил через много-много лет в провинции Шаньси Китайской народной республики. И тоже радовался.

Между прочим, этот китаец может быть ещё жив.

Некоторые китайцы долго живут.

Вот, например, генерал-полковник Цао Ганчуань, который был даже министром обороны Китая, пять лет учился в Военной артиллерийской инженерной академии имени Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Кубики с качелями между двух сосен, домиком в центре мира, в котором по полу ходит птица-удод, железной дорогой, стометровой дорожкой, домиком лесника, колодцем и станцией, библиотекой, тропинкой через поле тысячелистника, белым домом, китайцами на шестиугольной скамейке, гильзами и пулями мыльнянки пространственно расположен в летнем военном лагере Военной артиллерийской инженерной академии имени Феликса Эдмундовича Дзержинского, а временно в четырёх годах с 1954-го по 1957-й год.

Так что генерал-полковник Цао Ганчуань, который начал учиться в Военной артиллерийской инженерной академии имени Феликса Эдмундовича Дзержинского только в 1957 году, скорее всего, не тот китаец.

А может и тот.

Ему 90 лет. Даже не 100.

ПОТОК 4. КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА

Образно поток может быть представлен как дерево, из каждой вершины которого выходит по меньшей мере одна ветвь.

(из интуиционистской математики)

20260315

Есть такая компьютерная игра: ты рассказываешь ИИ про свою жизнь, а он тебе её показывает как фильм в красках, звуках и движениях.

Можно поставить на паузу и внести изменения.

Можно прокрутить назад или вперёд.

Ещё есть кнопка «undo».

Учёные установили, что после остановки сердца человек играет в эту игру, только ИИ у него в голове.

Если не успеваешь сделать необходимые изменения, то умираешь.

Жаворонки умирают утром, а совы умирают вечером.

Бабушка умерла на рассвете.

Чжу Си тоже умер на рассвете. Это странно, потому что ночью не спал, а объяснял ученикам Великое учение. Наверное, это потому, что он был великим философом.

Тютчев тоже умер утром. Но у него после инсульта, который случился тоже утром во время прогулки, было полгода, чтобы вносить изменения.

Но он вносил их не в свою жизнь, а в свои стихи, потому и помер. Вот бреду я вдоль большой дороги в тихом свете гаснущего дня...

Это он так сочинял, а умер утром.

Пушкин был совой и должен был умереть вечером, но он умер в середине дня в 14 часов 45 минут. Это потому что он был ранен.

Наоборот, Ницше был жаворонком, а умер в полдень. Это потому, что стал сумасшедшим.

А вот Лев Николаевич Толстой не был сумасшедшим, и раненым тоже не был, поэтому как был жаворонком и просыпался в 6 утра, так и умер в 6 часов 5 минут утра.

А Иммануил Кант ещё больше был жаворонком, просыпался в 5 утра, а умер в 11 часов дня. Это потому, что он был великим философом.

А Владимир Ильич Ленин был совой и умер правильно: в 18 часов 50 минут.

А Иосиф Виссарионович Сталин был ещё больше совой, потому и умер попозже: в 21 час 50 минут.

Потом всё перепуталось: Брежнев был совой, а умер в 8:30 утра, что неправильно.

А вот с Мао Цзэдуном непонятно: он был типичной совой, а умер в 0 часов 10 минут 9 сентября 1976 года. Непонятно: это слишком поздний вечер или слишком раннее утро? 8 сентября солнце зашло в 18:35, 9 сентября солнце взошло в 5:49. После захода солнца прошло 5 часов 35 минут, а до восхода солнца оставалось 5 часов 39 минут. Мао Цзэдун помер посерединке между заходом и восходом солнца. Это потому, что он был даосом. Но ему не хватило 2 минут, чтобы стать точным даосом, т.е. помереть точно в середине ночи.

На равном расстоянии от середины ночи наилучшее освещение для фотографий в золотисто-красноватой гамме в «золотой час»: на час раньше заката и на час позже восхода, а в ультрамариновой гамме в «синий час»: на час позже заката и на час раньше восхода.

Золотисто-красноватый конфуцианец Мао Цзэдун беседует с ультрамариновым даосом Мао Цзэдуном.

Если муравей подойдёт к краю песчаной лунки, песчинки посыпятся вниз, увлекая с собой муравья, а внизу его ждёт муравьиный лев.

За качелями между двух берёз дорога поднимается на холм, а потом спускается с другой стороны.

Дорога спускается туда, куда заходит солнце.
Закат сначала золотисто-красноватый.
А потом красный.
А потом тёмно-красный.
Он стоял и смотрел.
ИИ в голове зачем-то поставил пластинку с «Пляской смерти» Сен-Санса.
Молоточки бьют.
Кузнецы куют.
Бородатые кузнецы куют наши сны.
Стихи получились плохие, он хотел их забыть, а они почему-то не забывались.
Кубик золотисто-красноватый.
Солнце заходит, заходит, заходит, и никак не может зайти.
А на другом конце вселенной солнце восходит.
Ещё не восходит, только собирается.
Туман. Изгородь. Погост.
Туман. Изгородь. Погост.
Акварелька получилась маленькая, простоватая, наивненькая, любимая.
Надо было родиться жаворонком, подумал он, чтобы встречать ультрамариновый восход.
Никого нет.
Одни ещё спят в избах, другие уже спят на погосте.
Деревенский погост отличается в лучшую сторону.
Туда чаще ходят.
Во-первых, близко, на другой конец деревни и то дальше идти.
Во-вторых, это просто рощица, таких рощиц вокруг полным-полно.
Изгородь важный элемент пространства. Нужно, чтобы она обрывалась, столбы были редкими и покосившимися, жерди полусгнившими, некоторые упавшими.
Изгородь ничего не огораживает.
Когда-то огораживала, а теперь нет.
Теперь она для красоты.
Эта красота грустная, она тоску вызывает.
Да ещё туман.
Туман всё делает грустным, он тоже тоску вызывает.
А что ещё вызывать рядом с погостом?
Вот так сидит он на крыльце, чай попивает, сигарету покуривает, и смотрит.
И ему благостно и грустно.

Все акварельки с названием «Вид с крыльца номер такой-то» грустные.

Вообще вся природа грустная.

Вот не бывает в природе веселья или развлечений каких.

На полянку падают лучи солнца, ещё и от белых стволов берёз отражаются, берёзы прям сверкают.

В траве земляничные ягодки посверкивают.

Трава стелется, переплетается.

То тут, то там цветочки какие-то выскакивают.

А всё равно грустно.

Да ещё пенёк светлый от солнца, так ведь пенёк.

Я, говорит, был деревом, а потом меня убили.

Вот это всё красиво, даже благостно, даже радостно, а всё равно грустно.

Природе что грустно, что радостно, всё одно.

И это полянка в солнечный летний денёк.

Даже когда идёт дождь, не так грустно.

Дождь песни поёт, а на полянке разве что шмель пропоёт поминальную песню.

В принципе, поминки в деревне мало отличаются, разве повольготнее.

Приходят люди, едят, пьют, потом песни поют.

Как там у Тао Юаньмина?

Но родные мои, может быть, и хранят печаль, Остальные же все разошлись и уже поют...

Чем поминки отличаются от какой-нибудь свадьбы или какого-нибудь юбилея?

Да ничем.

Он был на юбилее своей старой знакомой.

А потом был на её поминках.

Не увидел разницы.

Разве что на поминках она мало ела и пила, и больше молчала, другие же одинаково ели, пили и говорили.

В парке прогуливаются люди, на скамейках сидят старики и старухи, дети бегают.

И у каждого на лице написано: я умру.

Можно идти и читать: скоро, ещё не скоро, когда-нибудь.

А они живут так, как будто не умрут.

Да чего уж там, он ведь и сам так живёт.

Но всё же подмечает странность.

Глеб Седельников так говорил: мои родители умерли во сне, и мне их очень жаль, ведь это такой интересный переход, а они его проспали.

Глеб Седельников умер от инфаркта, наверное, не во сне.
 Он увидел то, что хотел увидеть?
 Как я смерть объясню? Тут особых не надо слов: Просто тело
 отдам, чтоб оно смешалось с горой!
 Так Тао Юаньмин думал.
 А как он думает?
 Вот этот пенёк, вот этот камень, вот эта травинка, вот эта
 земляничина, вот эта берёза, даже пролетевший шмель, похоже,
 лучше это знают, чем он.
 И остаётся только сидеть на крыльце, попивать чай, покуривать
 сигарету и не то радоваться жизни, не то печалиться.
 Да это, наверное, одно и то же.
 Как ты, ИИ в голове, думаешь?
 Молчит, кубики перебирает.

ПОТОК 5. ДЕВОЧКИ И ИЕРОГЛИФЫ

*Образно поток может быть представлен
 как дерево, из каждой вершины которого
 выходит по меньшей мере одна ветвь.*

(из интуиционистской математики)

20260316

Он сказал ИИ: пора сменить парадигму: не кубики, а иероглифы.
 Тогда можно будет читать текст.
 Лучше, чем тупо разглядывать кубики.
 Осмысленнее.
 Его прабабушка и прадедушка по женской линии родом из
 деревни Суворово, что в 10 км от Волоколамска по шоссе на
 Лотошино, вскоре после деревни Кашино, которая «Лампочка
 Ильича».
 На крыльце дома в деревне Суворово он придумал интернет,
 искусственный интеллект и дроны.
 И записал в тетрадку.
 Познакомился с девочкой, но не записал в тетрадку.
 Интернет можно нарисовать нижней горизонтальной чертой.
 Искусственный интеллект можно нарисовать восходящей
 вертикальной чертой.
 Дроны можно нарисовать тоже горизонтальной чертой, но
 верхней, они же в небе летают.
 Девочку можно нарисовать нисходящей вертикальной чертой,
 когда смотришь на девочку, сначала видишь лицо, потом ниже.
 Получится иероглиф «рот» □ коу.

Ртом говорят.

Они говорили, сидя на брёвнах.

Сидение на брёвнах отличается от других сидений на других возвышенностях.

Сидя на крыльце, ты смотришь на мир из дома, который у тебя за спиной.

Сидя на холме, ты смотришь на мир с неба, которого много вокруг. А дома нет.

Сидя на брёвнах, ты смотришь не так и не так.

А как?

Как будто брёвна дома, которого нет, как будто с неба, но оно только сверху.

Ещё ртом целуются, но они не целовались.

У него осталось ощущение недосказанности и недоделанности.

Странное было лето.

Это всё из-за интернета, искусственного интеллекта и дронов, так он решил.

Иероглиф «дождь» 雨 юй рисуется тремя нисходящими чертами: в середине он, а слева и справа две девочки. Сверху крыша. И ещё струи дождя.

В центре мира рядом с маленьким домом, в котором гнездится грусть, есть другой маленький дом.

Он пуст, в нем никто не живёт, но дверь открыта.

Когда с неба на землю внезапно падает проливной дождь, можно укрыться в пустом доме.

И в раскрытую дверь смотреть, как водяные струи льются с вершин сосен на траву и корни, соединяются вместе и текут по тропинкам земли.

Если другой человек тоже спрятался здесь от дождя, можно смотреть вместе.

Это называется встреча людей.

Неважно, обменяются ли они взглядами или словами или прикосновениями.

Чувство соприсутствия подобно воде омоет их души и соединит струями, прозрачными и осязаемыми как струи дождя.

Они промокнут с головы до ног.

Поэтому и говорят: «Встреча людей подобна проливному дождю».

У одной был широкий рот, из которого смех вылетал как ворона-птичка.

Другая, наоборот, серьёзна, тонка, с косичками и пуговичками на кофточке пёстрой как оперенье воробушка.

У него осталось ощущение раздвоенности и неслиянности.

Странное было лето.

У неё были две золотые косы, под широким лбом эллипсы ясных глаз и улыбающийся рот.

Он рисовал её иероглифом 囧 цзюн, что значит свет, что значит окно.

Что значит светлое окно.

Окно, впускающее свет.

Яркий и ясный.

Она была отличницей и сидела за партой впереди и левее, по диагонали.

Но это было давно.

Это было в эпоху Шан.

Это было на гадательных костях.

Это было на бронзовых пластинах.

Однажды она заболела, и делегация учеников явилась к ней домой, принесла домашнее задание.

Она была в пижаме и радостно поднялась с постели.

Беспомощное удивлённое лицо.

В эпоху интернета стало эмодзи:

«Ой...»

«Как неловко»

«Мне стыдно»

«Я в шоке»

Вот как-то так.

У него осталось ощущение эмодзи цзюн.

А странно, думал он, что иероглиф не складывается, если в нём нет девочки.

Как будто девочка есть ключ и радикал.

Но что за текст?

Китайская грамота.

Жизнь на неё похожа.

А та, что в Дзинтари, на рижском взморье, что не пришла?

Её он рисует иероглифом 冫, который тоже цзюн.

Но этот цзюн совсем другой.

За пределами города это пригород.

За пределами пригорода это поле.

За пределами поля это лес.

За пределами леса это цзюн, это граница.

Пограничные пустынные земли.

У него осталось ощущение пограничности и недоумения, почему он вообще это помнил.

Скажи, ИИ, каким иероглиф ты нарисуешь ту, что дочка директорши школы-интерната, ту, что позвала его в свою комнату,

ту, что спрятала его в шкафу во время облавы,
 или не спрятала, а только хотела,
 ту, чьё платье было мягкое и приятное на ощупь.
 ИИ ответил: жун 絨.
 Итальянская байка.
 Мягкая шерсть.
 Пух на теле птицы.
 Кто там порхает в весенней роще?
 В иероглифе жун 絨 чёрточки порхают как перья птицы.
 У него осталось тактильное ощущение.
 Иероглифический текст с трудом читается, бумага времени стала
 хрупкой, испачкана кругами от кружек чая, каплями
 несмывающихся чернил, падающих с перьев № 11.
 Однажды встретил её в своём подъезде,
 в тёмном промежутке между двумя дверями
 в окружении мальчиков,
 поздоровались, и он вышел на улицу.
 На этом детство закончилось.
 Но перед этим он спросил: кем ты хочешь быть?
 Она ответила, он не запомнил.
 Она спросила, он ответил.
 Станный вопрос: кем ты хочешь быть?
 Подразумевает, что тебя ещё нет.
 ИИ, просчитай их жизненный путь.
 Нарисуй их графики.
 Ошибка деления на нуль.
 То-то же.
 Иероглиф дао 道 путь состоит из чо 亠 ходить и шоу 首 голова.
 Ходить головой.
 Не ногами.
 А что такое голова?
 Это цао 艹 трава и цзы 自 по собственному желанию.
 Иди травой по собственному желанию, и будет путь.
 Я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуала,
 сказал Конфуций.
 Иероглиф синь 心 сердце рыболовный крючок и три слезинки.
 Или три кровинки.
 А если перечеркнуть, то получится би 必 должно и нужно.
 Отбросить сомнения.
 Потому что сомнения в сердце.
 А в эпоху Шан на костях оракула это было оружие.

Его дедушка по женской линии родом из деревни Спас-Помазкино в 8 км от Суворово.

От церкви Рождества Богородицы в Суворово можно дойти пешком до братского захоронения пяти красноармейцев на краю Спас-Помазкино, сделав 11 тысяч 49 шагов за 1 час 36 минут.

А если бы просёлочная дорога была не кривая, а прямая, то можно было бы дойти за 1 час 2 минуты, сделав 7 тысяч 154 шага.

Деревня Суворово село, поскольку в ней есть церковь Рождества Богородицы, а деревня Спас-Помазкино была селом, когда в ней была церковь Преображения Господня, а теперь церкви нет, и деревня не село.

Его мама рассказывала сказки про деревню Спас-Помазкино.

Про речку Фроловка, по ней стыковка Спаса и Помазкино.

Про чёрную карету с золотым узором, на которой ездили в село Ильинское, где церковь Илии Пророка.

Если бы церковь Преображения Господня, которой сейчас нет, раскинула руки длиной 5 км, она коснулась бы одной ладонью церкви Рождества Богородицы, а другой церкви Илии Пророка.

Мама рассказывала про войну.

Мама рассказывала про немцев.

Мама рассказывала про двух монашек в Спас-Помазкино.

Групповое дело монахинь Волоколамского района 1931 г. Тройка ПП ОГПУ.

На самом деле монашенка одна, осуждена 3 года ИТЛ, дальнейшая судьба неизвестна, другая просто её сестра, через месяц отпустили, дальнейшая судьба неизвестна.

Саша Косачев сочинил: Хочешь попасть домой — Курс держи на кладбище. Есть и другие пути — Этот короче всех.

Потом умер.

ПОТОК 6. ДОМ № 57

Образно поток может быть представлен как дерево, из каждой вершины которого выходит по меньшей мере одна ветвь.

(из интуиционистской математики)

20260318

Перед тем как отправиться на кладбище человек проживает разные пространства, в которых разыгрываются сценки и сценарии вроде описанных выше.

Или лучше сказать, пространства разыгрывают эти сцены и сценарии, поскольку именно пространствам принадлежит инициатива и ведущая роль.

Об одном таком пространстве сейчас пойдёт речь, главном или одном из тех главных пространств, с которыми связано понятие «дом».

Домашнее пространство, о котором пойдёт речь, это одно из старых московских пространств.

Старое московское пространство обладает ярко выраженной индивидуальностью и личностью, укоренённой в нём самом.

Оно отличается от новых московских пространств почти без индивидуальности, почти безличных и ни в чём не укоренённых.

Оно отличается и от, например, петербургских пространств, личность которых кажется иноязычной и чужеземной, даже если родилась в Санкт-Петербурге, а всё равно, укореняясь, восходит по генеалогическому древу к какому-то иностранцу.

Оно отличается и от деревенских пространств, которые глубоко личны, но их личность не столько человеческая, сколько природная, и мало отличается (да и не желает отличаться) от личности коровы, или овцы, или курицы, или дворовой собаки, или берёзы у крыльца, или яблони за плетнём.

Оно отличается и от дачных пространств, всё сущность которых в балансировании между городом и деревней, между домами-улицами и лесом-лугом-речкой, и личность которой несёт неизгладимый отпечаток временности и промежуточности.

Этот список отличий можно продолжать до бесконечности, но в этом нет нужды.

Старое московское пространство дома № 57 по улице Бакунинская начинается с парадной.

Принято считать, что «парадная» говорят в Петербурге, а в Москве говорят «подъезд». Это не всегда так.

В доме № 57 этот вход называли не «подъезд», а «парадная», потому что был ещё «чёрный ход», который вёл во двор.

Он заметил, что, приступая к описанию старого московского пространства, приходится сменить стиль и вместо изящных, но поверхностных, коротких штрихов описывать пространство сплошным красочным слоем, о котором художник Валера Красильников говорил «руку просунуть некуда».

Снаружи парадная представляла собой двустворчатую дверь (одна створка всегда закрыта на защёлки) на высоте двух ступенек.

Выше створок два узких горизонтальных застеклённых окошка, всегда мутных и пыльных.

Казалось бы, таких дверей можно найти множество, но это не так. Дверь обладала той индивидуальностью, той личностью, о которой говорилось выше.

Цвет её был красно-коричневый.

Прежде чем открыть дверь, посмотрим по сторонам.

Слева и справа от парадной ряд окон первого этажа.

Над каждым окном тимпан (что-то вроде арки) с замковым камнем.

Само окно прямоугольное из трёх частей: двух вертикальных створок (каждая разделена на две части горизонтальной планкой) и верхней не открывающейся горизонтали.

Под окнами и кажется только справа от парадной кафельная плитка, кажется, чёрная.

Между первым и вторым этажом то, что называется тягой или пояском. Состоит из двух горизонтальных линий, между которыми прямоугольники, спускающиеся ниже нижней линии, а под ними ещё маленькие прямоугольники.

Окна второго этажа с полукруглым верхом. Две вертикальные открывающиеся створки разделены каждая на три части, а верхний не открывающийся полукруг — на две части вертикальным радиусом.

Во время праздников по Бакунинской улице шла демонстрация к Красной площади. Поэтому дом был украшен лозунгами и портретами.

Лозунг «Да здравствует наше родное Советское правительство!» шёл над пояском.

Портреты были большими, висели на уровне второго этажа, высотой почти как окно, а по шире частично закрывали два соседних окна.

Сначала было два портрета: Ленин и Сталин, и они частично закрывали три или четыре окна.

Потом, когда бюст Сталина в школьном саду сбросили с пьедестала, и он уткнулся носом в чёрную землю, только Ленин, он частично закрывал два окна.

Дом был двухэтажный, построен до революции 1917 года, до революции это был доходный дом, в нём были ресторан и казино.

Дедушка по женской линии любил туда ходить, а бабушке не нравилось, что он туда ходит.

Он там играл в карты.

Потом казино закрылось, и туда стали давать комнаты на втором этаже, а на первом был техникум советской торговли.

На втором этаже бабушке и дедушке дали комнату.

Ну, как дали?

Жильцы сами возводили стены из кирпичей, перегородивающие ресторан-казино на комнаты: длинные, узкие с высоченными потолками.

Они спрашивали друг у друга, сколько в семье человек и тем самым определяли ширину комнаты.

Только соседи обманули: их оказалось меньше, чем они говорили.

А потом уже по высоте строили из дерева второй этаж от двери до середины комнаты, и лестницу на второй этаж.

В техникуме советской торговли училась мама и дядя Толя. Это который потом уехал в Ленинград и который приезжал в деревню и ловил в пруду рыбу.

Открываем дверь парадной.

Тамбур. Тёмный. Тот, где он встретил её в окружении мальчиков, поздоровались, и он вышел на улицу.

Дальше площадка и лестница наверх.

Под лестницей каморка.

Кажется, там жил дворник или дворничиха, а потом они или уже другие стали жить на втором этаже, там, куда доходила лестница.

На площадке была ещё одна дверь. Она всегда была закрыта. И куда она вела, так и осталось тайной.

В каждом старом московском доме есть свои тайны.

Дома разные и тайны тоже разные.

Мраморная лестница в два пролёта поднималась на второй этаж.

Перила были железные с деревянным поручнем и с одной стороны лестницы, левой, если подниматься, и правой, если спускаться. А может быть, чугунные, это неизвестно.

Поднимаешься и тут же слева дверь в комнату, где жили дворник или дворничиха. Их дочку звали Фрида. А может быть какую-то другую дочку звали Фрида.

Потом идёшь как бы назад, но по горизонтали по короткому коридору.

Дверь. Она всегда открыта. Она ведёт в перпендикулярный коридор.

Слева дверь в квартиру № 11, рядом с которой большой чёрный шкаф, неизвестно чей, неизвестно с чем.

А справа квартира № 11а.

В квартире № 11а жили другие люди, несколько семей в нескольких комнатах. Там комнаты не были такими длинными и узкими, как в квартире № 11, Наверное, они были почти квадратными.

Жители квартиры № 11а отличались от жителей квартиры № 11 чем-то неуловимым, чем, он не мог сформулировать, но чувствовал.

Наверное, устройство квартиры, поделённой на комнаты, каким-то таинственным образом влияло на её жителей, на их отношения друг с другом и с внешним миром. Он точно знал, что квартира первична, а её жители вторичны.

Дверь в квартиру № 11 закрыта, нужно иметь ключ.

Называется сувальдный ключ, он же флажковый, он же сейфовый (хотя для сейфов посложнее будет), он же «буратино».

Простой, однобородковый.

Звонка нет. Да и нужен ли, когда в квартире 14 комнат на 14 семей (по крайней мере, поначалу).

Гости стучат.

ПОТОК 7. КВАРТИРА № 11

Образно поток может быть представлен как дерево, из каждой вершины которого выходит по меньшей мере одна ветвь.

(из интуиционистской математики)

20260319

В квартире № 11 от входной двери шёл коридор, прямой как петербургский проспект, и упирался в дверь на чёрный ход.

География квартиры была проста и легко запоминалась. Он и запомнил на всю жизнь.

Двери в комнаты располагались налево и направо. Налево выходили на улицу, направо выходили во двор.

В первой комнате слева жила старая большевичка Мильда Ивановна Родэ.

У неё в комнате пахло странно, но не неприятно.

Она вышивала гладью, а его учила вышивать крестиком.

На подоконнике у Мильды Ивановны стоял столетник. Впрочем, он у многих стоял на подоконниках.

Ещё в её комнате он положил на стол большой ватманский лист и стал рисовать на нём с помощью циркуля и линейки главное здание Московского университета на Ленинских горах.

Он срисовывал его с почтовой открытки.

Это для того чтобы потом учиться там на этажах с 12-го по 16-й.

В следующей комнате по правой стороне жили Герасимовы, потом какие-то молодые поженились, потом они развелись.

В третьей комнате жили Рая и Жора.

У них у первых в квартире появился телевизор, соседи приходили и все вместе смотрели телевизор, он тоже приходил.

Их сын Витя из части домой пришёл, мать просила, соскучилась, а его за это на фронт сразу послали в горячую точку, это было во время войны какой-то, он там погиб.

В четвёртой комнате жила тётя Груня, её дочка Люба, а потом и её сын Женя, а мужчин он не помнил, были ли.

Однажды тётя Груня пошла на немецкий рынок.

Этот рынок был в треугольнике между улицами Ладожской, Фридриха Энгельса (до 1922 г. Ирнинская) и 4-м Ирнинском переулком, который на некоторых картах проходит внутри немецкого рынка, а на некоторых не обозначен, а иногда эту сторону треугольника проводят не по 4-му Ирнинскому переулку, а по Волховскому переулку, который до войны был Немецким переулком, а до 1912 г. Большим Ирнинским.

Если выйти из парадной дома № 57, перейти Бакунинскую улицу и идти по 1-му Ирнинскому переулку, а потом свернуть направо на улицу Фридриха Энгельса в сторону немецкого рынка, то пройдёшь как раз мимо Храма святой великомученицы Ирины.

Между прочим, первая великомученица, жила на рубеже I и II веков, обратилась в христианство, проповедовала, обращала, творила чудеса, исцеляла и т.п., её мучили, пытали и т.п., Бог сказал ей, когда она умрёт, она ушла в пещеру, говорит, приходите через 4 дня, завалили вход в пещеру камнем, через 4 дня пришли, отвалили камень, а её нет, улетела на небо.

А вот ничего этого он не знал, когда ходил на немецкий рынок через 1-й Ирнинский переулок. Время было атеистическое.

Но короче было ходить сначала по Бакунинской улице до Гаврикова переулка (после 1919 г. Спартаковский), а через него уже выходить на улицу Фридриха Энгельса. Тогда мимо Храма Ирины не проходишь.

С московскими названиями улиц и переулков при переименовании происходят странные вещи. Какие-то старые названия забываются, а какие-то остаются в ходу, а новые названия не приживаются.

Бакунинскую улицу никто не называл Покровской, которой она была до 1918 г., а переулок, на углу которого и улицы Бакунинская находится дом № 57, называли Рукуновом (правильно Рыкуновом) переулком, хотя он Балакиревский с 1939 г. Улицу Фридриха Энгельса никто не называл Ирнинской, которой она была до 1922 г., а Спартаковский переулок все называли по-старому Гавриковым.

Такое впечатление, что улицы смирялись с новыми названиями, а переулки цепко держались за старые. Наверное, потому что улицы большие, а переулки маленькие и кривые.

Тётя Груня пришла с немецкого рынка и рассказывает.

Иду, говорит, я, а все мне улыбаются. И я в ответ улыбаюсь.

Вот думаю, как хорошо. Солнышко светит, люди улыбаются. Хорошо.

И только возвращаясь и подходя к нашему дому № 57 подумала: а чего они все мне улыбаются?

Глядь — а на мне юбки-то нет, забыла юбку надеть, так и ходила на немецкий рынок без юбки.

Вот они и улыбались.

В пятой комнате по правой стороне коридора квартиры № 11 жила Валя Черкасова.

Мама ему говорила: она мне с твоим папой изменяла, когда я в Риге была у свекрови, а мама, это твоя бабушка, писала письма в Ригу, а свекровь прятала и не показывала письма, а в Москву приехала, уже все соседи сказали, она такая гулящая была девка-то, рано умерла.

Шестой комнаты с правой стороны не было, а была кухня.

Кухня квадратная, в ней было: 2 окна, 3 газовые плиты, 2 раковины, 12 кухонных столов.

Этих цифр достаточно, чтобы представить всё остальное: кто жарит, кто варит, кто стирает, кто моется, кто гладит бельё, кто точит ляды, кто показывает обновку, кто ругается — и так далее и всё это одновременно.

Кухня — вершина общего жития, здесь собиралось вече квартиры. Кстати, горячей воды в доме не было, душа или ванной, естественно, тоже. Если нужно было стирать или помыться, грели воду на газовой плите в баках. Мылись в корытах. Это, в основном, женщины и дети. Когда мылись женщины, дверь кухни закрывалась, и все знали: там женщины моются, а так дверь всегда была открыта.

После кухни два туалета. Бачок наверху, свешивается цепочка, на конце которой белая фаянсовая ручка. Дёргаешь, вода и льётся. Говорят, сейчас опять так модно, хотя тогда-то не мода ведь была. В коридоре висели три лампочки. По коридору можно было кататься на велосипеде.

От входной двери с левой стороны коридора в первой комнате жили муж с женой и их сын. Сына звали Игорь, а как звали жену и мужа, он не помнил. Они потом умерли или съехали.

У них были фигурки бело-жёлто-розовые из камня или кости. Ни у кого в квартире таких не было, а у них были. А на втором этаже (выше говорилось, что, поскольку потолки были под 5 метров, многие делали второй этаж, до середины комнаты, из дерева) в комнату смотрела сплошная стена, а в ней было окошко с

дверцей. Дверца открывалась, Игорь высовывал голову и что-то говорил.

Во второй и третьей комнатах слева жили Володя и Ира Шмидт. Они были брат и сестра. Потом куда-то уехали.

В четвёртой комнате слева сначала жил толстый еврей с толстыми губами и его тощая маленькая жена. У них ещё ребёнок появился. У них появился и первый в квартире городской телефон. А квартира сказала, что так нечестно, а честно, чтобы телефон был общим. А он сказал, что ему по работе нужно. Потом они куда-то делись, а в коридоре поставили на двух тумбочках два телефонных аппарата. Один на тумбочке между дверями в третью и четвёртую комнаты, другой на тумбочке между дверями в шестую и седьмую комнаты, слева по коридору. Это всё тогда было, когда на улицах стояли телефоны-автоматы двухкопеечные. Идёшь мимо, а тебя спрашивают: «Двух копеек не найдётся?» И все в кошельке старались держать двухкопеечные монеты.

В пятой комнате слева жил он, его мама, его бабушка и его папа. Потом папа уехал, а родилась сестра.

В шестой комнате жили люди с фамилией Мосенко. Это те, которые во время строительства межкомнатных стен сказали, что у них семья большая, а оказалась маленькая. А может быть, это были не они, а те, кто до них в этой комнате жил.

У них была дочка Таня, его ровесница, с которой он ходил в одну школу № 619. Только она училась в другом классе. И они как-то не дружили, потому что родители Тани это не одобряли почему-то.

В седьмой комнате слева жила тётя, забыл как звать, что-то вроде Марии Гавриловны, и её сын Валера. Валера любил драться с Володей Шмидт на почве еврейского вопроса.

Однажды Женя, который сын Любы и внук тёти Груни из четвёртой комнате справа вышел на кухню и сказал, обращаясь к Марии Гавриловне: «Гроши давай! Ружжо покупать буду».

Потом опять пришёл на кухню и сказал, обращаясь к Марии Гавриловне: «Вавеву!» А ей послышалось «Валера». Она говорит: «Да, Валера, Валера детей любит». А Женя опять: «Вавеву!» А она опять. А он опять.

Люба потом говорила: «Я-то поняла, что он говорит, но промолчала». А Женя говорил «Зарежу!» Это он играл так.

В восьмой и девятой комнатах справа жили две сестры. Он ничего про них не знает. Только один раз приходил в девятую комнату, а зачем и что там делал, не помнил. Ну, вот жили они, жили, а потом померли: сначала та, что в восьмой комнате, потом та, что в девятой.

Коридор заканчивался дверью на чёрный ход.

Чёрный ход выходил во двор.
 Туда выносили мусор.
 А дети выходили во двор играть.
 Я брожу в недрах старого дома,
 поднимаюсь по лестнице чёрной,
 возникают беззвучные двери,
 и ведут меня за руку стены,
 эти стены — морщины и шрамы
 — память рук безобманная самая.
 Я брожу в недрах старого дома,
 как слепой по странице знакомой.
 Шрифта Брайля касаются с болью
 вдруг прозревшие пальцы души.
 Здесь пустынно, здесь нет ни души.
 Люди умерли или ушли.
 И оставили жесты и взгляды.
 — Ах, простите! — так я то и дело,
 натыкаясь на них, говорю.
 Я брожу в недрах старого дома.
 Там в далёком углу коридора
 моё личное солнце высоко
 под самым горит потолком.
 А в комнатах слева и справа,
 я знаю, есть окна большие,
 но к ним я боюсь подойти.
 Там улицы нет, и города нет,
 ни неба нет, ни земли.
 Там свет, белый свет, белый свет.

ПОТОК 8. ЧЁРНЫЙ ХОД

Образно поток может быть представлен как дерево, из каждой вершины которого выходит по меньшей мере одна ветвь.

(из интуиционистской математики)

20260320

Когда в Российской империи начали отапливать дома углём, понадобился отдельный ход для заноса угля и выноса золы, и этот ход от угольной пыли становился чёрным.

В переносном смысле «чёрный ход» означает «тайный путь».

В IT обозначает несанкционированный доступ.

Через "чёрный ход" во двор он вышел
И увидел первый белый снег...

Нет ни дома, ни двора,
ни дерева, ни лестницы,
сугроб в углу мерещится...

А мальчик тот...

В конце коридора квартиры № 11 была дверь на чёрный ход, а сразу на ней площадка, на которой слева была ещё одна дверь.

Дверь в отдельную квартиру.

Не коммунальную.

Отдельную.

Что там, в той квартире, он не знал.

Кто там жил, в отдельной квартире, он не знал.

Он никогда не видел, чтобы кто-то шёл в эту отдельную квартиру или из неё через коридор квартиры № 11.

Но он никогда и не видел, чтобы кто-то входил в отдельную квартиру или выходил из неё через чёрный ход.

Как они попадали в эту квартиру?

Ему помнилось, что однажды он переступил порог отдельной квартиры и заглянул внутрь.

Там что-то было.

Но может быть, это ложное воспоминание.

Может быть, ему это всё привиделось.

Или приснилось.

Это была самая таинственная квартира в доме № 57.

Если бы он сочинял детективы, они начинались бы и заканчивались в отдельной квартире.

Справа на площадке был проход на другую площадку, с которой шла лестница вниз, два пролёта, на нижнюю площадку и потом во двор.

И ещё лестница, деревянная, крутая, вела на чердак.

Он поднимался по лестнице на чердак.

На чердаке было как на всех чердаках.

Пусто, пыльно, в щели падал солнечный свет, шебуршили птицы, темно по углам.

Сначала было интересно, а потом нет.

В московском дворике была чёрная котельная, три могучих дерева и красная груда битого кирпича.

Дождь падал с крыш на потрескавшийся асфальт, змеился в трещинах, причмокивая травой и мхом, и растекался блестящими лужами между корней трёх деревьев.

Дом тяжело дышал влажным, распахнутым провалом чёрного хода и страшно глядел высокими, тёмными, без белков занавесок, окнами на что-то в центре двора.

Не на что-то, а на кого-то, и этим кто-то был он сам, и он думал: «Вот вырасту!».

И он вырос и глядел в ответ, но глядеть было не на что: дом сломали, а вокруг удивительно маленькой забетонированной площадки мчались автомобили туда-сюда, туда-сюда, ни на кого не глядя.

«А вот и не страшно», — подумал он и смахнул слезу.

Если грубо, то двор имел форму буквы «П».

Или форму китайского иероглифа цзюн 冂, который в Дзинтари означал пустынные пограничные поля, а здесь означает внутренний, граница, ворота.

Это если смотреть со стороны чёрного хода квартиры № 11, который в иероглифе цзюн 冂 в правом нижнем углу.

А если смотреть с противоположной стороны, со стороны ворот, арки, то иероглиф цзюн 冂 переворачивается и становится иероглифом кань 凵 вместилище и раскрытый рот, в котором ворота, арка в правом нижнем углу.

Если рисовать здания, окружающие двор и являющиеся его границами, и повернуть иероглиф цзюн 冂 на 90° по часовой стрелке, он превращается в иероглиф юэ 卮 «говорить».

В «Лунь юй» («Аналекты» Конфуция) иероглиф юэ 卮 встречается 758 раз, это примерно каждый девятнадцатый иероглиф.

Чаще всего (453 раза) в сочетании цзы юэ 子卮 Учитель сказал.

Учитель это Конфуций.

Лестница чёрного хода спускалась на площадку, где стояли мусорные баки, потом налево и дверь направо во двор в левом нижнем углу иероглифа юэ 卮.

А если не направо, а прямо, то, кажется, там была дверь, через которую входили и выходили люди, которые жили в левой вертикальной черте ниже средней горизонтальной черты.

Или они не там входили и выходили?

И двери не было?

Или была?

Или мусорные баки стояли не на площадке внизу лестницы чёрного хода, а во дворе в левом нижнем углу иероглифа юэ 卮?

Он подумал, что он последний оставшийся на Земле человек, который может сказать, где стояли мусорные баки: на площадке внутри дома или вне дома во дворе.

Если скажет, что на площадке внутри дома, значит, на площадке внутри дома.

А если скажет, что вне дома во дворе, значит вне дома во дворе.

И никто не сможет это опровергнуть.

Мир старых московских дворикив и чёрных ходов сохраняет какие-то свои тайны и неопределённости, он туманится и двоится.

И ничто не может это изменить.

И, может быть, в этом суть старых московских дворикив и чёрных ходов.

Ещё он подумал, что тогда не было цифровых фотоаппаратов и мобильных телефонов со встроенными камерами.

Фотографии были, как правило, постановочные.

И никому не приходило в голову снимать каждый уголок дома, квартиры, чёрного хода или дворикиа.

А сейчас приходит.

И от того, что сейчас, останется не художественная литература, а сухие и скучные тексты, в которых ни о чём не соврёшь, ничего не придумаешь, в которых нет ни воображения, ни туманной неопределённости метафор.

В средней горизонтальной черте иероглифа юэ 卍 жил Толя Левченко, с которым он учился одном классе начальной школы.

Они дружили и играли во дворе.

Родители Толи были глухонемые, а Толя не был глухонемым.

В правом нижнем углу иероглифа юэ 卍 была котельная.

За дверью спускалась круто вниз длинная лестница.

Он смотрел сверху вниз, но так ни разу и не спустился по лестнице вниз.

Или спустился?

За котельной лежал горой чёрный уголь.

Между нижней и средней горизонтальными чертами иероглифа юэ 卍 от чёрного хода к котельной шла асфальтированная дорожка, слева от неё были маленькие палисадники, а справа только земля, мох и камни.

Во время дождя с крыши падали струйки воды.

Посередине правой вертикальной черты иероглифа юэ 卍 стоял стол и четыре лавочки вокруг него.

Тут он не может соврать или придумать, потому что есть фотография.

За столом сидят и смотрят друг на друга три мальчика, как будто о чём-то говорят или что-то замышляют.

А он сидит в постановочной позе спиной к столу и мальчикам и лицом к фотографу.

На заднем плане окно в правом конце верхней горизонтальной черты иероглифа юэ 𠄎.

На подоконнике всегда стоит герань, в окно всегда смотрит старушка, которая разводит эту герань и которая смотрит во двор, потому что больше смотреть некуда.

Гаджетов ещё нет и телевизора у неё пока что нет.

В середине верхней горизонтальной черты иероглифа юэ 𠄎 подъезд, через который входят и выходят люди, живущие на втором этаже правой половины верхней горизонтальной черты иероглифа юэ 𠄎.

Там живёт одна девочка.

Или ему кажется, что там живёт одна девочка.

Напротив этого подъезда лицом к нему есть подъезд в правой части средней черты иероглифа юэ 𠄎.

И ещё есть подъезд в углу между левой вертикальной чертой и средней горизонтальной чертой иероглифа юэ 𠄎.

И ещё подъезд в середине верхней половины левой вертикальной черты иероглифа юэ 𠄎.

Этот подъезд высоко и к нему ведут ступеньки.

Но это может быть плодом воображения последнего человека на Земле, который мог бы описать дворик дома № 57, полускрытый в тумане неопределённости.

Начертание иероглифа юэ 𠄎 не показывает высоту строений.

Приходится говорить словами.

Везде два этажа, кроме левой половины верхней горизонтальной черты.

Строения, которые там находятся, это одноэтажные сарайчики. Они принадлежат каким-то людям, которые живут в доме № 57, которые хранят там какие-то свои вещи, неизвестно какие.

Над сарайчиками наклоняется большой тополь, сам он с внешней стороны двора около второго входа в школу № 619.

Тополь большой.

Он стоит.

Тополь заглядывает во двор дома № 57.

С тополя падают тополиные серёжки.

Как же попасть во двор дома № 57?

Если не через чёрный ход квартиры № 11.

Через чёрный ход могут попасть только люди, а машины проехать не могут.

В верхнем конце правой вертикальной черты иероглифа юэ 𠄎 находится арка.

Через арку во двор заходит жестянщик.

Он собирает жестянки.
 Через арку во двор заходит точильщик.
 Он нажимает ногой педаль, колесо крутится и летят искры от длинных ножей.
 В арке тоже есть дверь в дом.
 Кто-то ведь живёт за этой дверью.
 Арка выходит в Рукунов переулок.
 Если пойти направо и на углу повернуть направо, придёшь к парадной дома № 57.
 На самом углу стоит косой гранитный столб, не то вросший в асфальт и землю, не то выросший оттуда.
 Он не высокий, ниже колена.
 Называется коновязь.
 К камню привязывали лошадей.
 Потом камень убрали.
 Когда лошадей не стало.
 Двигаясь от коновязного камня мимо парадной доходишь до второго входа в дом № 57 с фасада.
 Это вход в техникум советской торговли.
 Дальше стена дома продолжается железной оградой школьного сада, а сама стена поворачивает направо к школе № 619.
 На этой стене почти нет окон.
 Есть только одно или два маленьких окошка.
 Из какой комнаты или коридора выходят эти окошки, неизвестно.
 В них есть что-то загадочное.
 Стена красная.
 Стена смотрит на школьный сад, в котором утопают яблони и груши в цвету, а Иосиф Виссарионович Сталин, упавший с постамента, утопает носом в чёрной земле школьного сада.
 Дети залезают на постамент и стоят там.
 В Начале лета года Красной обезьяны.

ПОТОК 9. ПОЛЁТ ДРАКОНА

Образно поток может быть представлен как дерево, из каждой вершины которого выходит по меньшей мере одна ветвь.

(из интуиционистской математики)

20260321

Он помнил, как умер Сталин. Сказал и соврал.
 На самом деле он помнил только обложку журнала «Огонёк» с портретом Сталина в чёрно-красной рамке.

А больше он ничего не помнит.

А, нет, ещё помнит, что взрослые держали в руках журнал «Огонёк» и громко говорили.

Но кроме громкости он ничего не помнил.

А обложку журнала «Огонёк» помнил.

Особенно чёрно-красную рамку.

Это почему-то казалось одновременно красивым и страшным, а особенно то, что взрослые громко говорили.

Погода в марте 53-го была хорошая.

В окно пятой комнаты слева по коридору квартиры № 11 в доме № 57 по Бакунинской било солнце.

Окно было высоким и с полукруглым верхом, так что и в комнате было солнце.

Оно падало на обложку журнала «Огонёк», и всё было ярко и контрастно.

И ещё громко.

На следующий год, летом 54-го года поехал в военный лагерь.

Ехали эшелонам.

Эшелон — это такой поезд для перевозки военных людей и военной техники.

Поезд был очень длинный, или ему казалось, что он очень длинный.

Грузились в эшелон на вокзале, кажется, на Курском, почему-то долго, или ему казалось, что грузились долго.

И ехали долго, это уж точно долго.

Он посмотрел в Яндекс: сейчас на поезде и автобусе до Гороховца можно доехать за семь с половиной часов, а на машине за четыре с половиной часа.

А они ехали двое суток.

Правда, не до Гороховца, а куда-то под Гороховец.

Вагоны были грузовые.

В тех вагонах, где ехали люди, были нары, кажется, там ещё печка была, почему вагоны назывались «теплушками», но они ехали летом, и он не помнит, чтобы печку топили.

Зато хорошо помнит огромную раздвижную дверь, она же окно, которая обычно была открыта, чтобы можно было дышать свежим воздухом и любоваться проплывающими пейзажами.

Поперёк двери клали брус, чтобы люди на ходу не выпадали из вагона.

Вы, наверное, много раз видели такие вагоны на фотографиях военного времени.

Очень хорошо было ехать, стоя у двери, смотреть на проплывающие (а не проносящиеся, как сейчас) пейзажи и,

облокотившись на брус, спокойно себе курить, глядя как дым уплывает назад.

Но он тогда не курил, ему пять лет было.

Эшелон направлялся в летний военный лагерь Военной артиллерийской инженерной академии имени Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Лагерь располагался в сосновом лесу.

Сосны были огромные, высокие, с толстыми стволами и прямые как корабельные сосны, хоть это и тавтология.

Они стояли свободно, просторно и как-то по-особенному величественно.

Земля была усыпана хвоей, а если копнуть — песок, чистый и мелкий, один песок.

Эшелон приходит к лагерю с запада.

Сначала слева появляется Станция.

Станция деревянная, заброшенная, но только в начале своего разрушения.

Около Станции Дом Лесника, а, может быть, сторожа или егеря.

Кажется, это единственный местный житель.

У него есть собака.

Она рыжая.

Её зовут Рекс.

Она прибегает к детям, играть.

Около Станции и Дома Лесника среди песка, как в пустыне, стоит Колодец с воротом и железной цепью.

Здесь набирают воду в вёдра.

Дальше вдоль Железной Дороги штакетник, вдоль него растут невысокие, молодые сосны.

А рядом — Стометровая Дорожка для тренировки и соревнований солдат и офицеров.

Он, конечно, много раз её пробегал, изображая из себя спортсмена и обезьянничая.

В лагере есть ещё Спортивная Площадка со всякими турниками, брусками, кольцами для баскетбола и т.п.

Но он предпочитал тренироваться около дома, установив две палки и положив на них планку для прыжков высоты.

Мимо проходят два офицера, и один другому говорит: «Смотри-ка, он, кажется, прыгает выше своего роста».

На что другой отвечает: «Да нет, всё-таки не выше».

Они просто не знают, как трудно прыгать в высоту, подбегая по мягкому песку и отталкиваясь от мягкого песка.

Но сначала, как только приехали в лагерь летом 54-го года, их поселяют в отдельной комнате в Длинном Доме, одноэтажном доме с галереей и крылечками.

Но его младшая сестра, ей тогда ещё года не было, плачет по ночам.

Соседи жалуются, что она мешает спать, и их переселяют в Домик.

В Домике гораздо лучше.

Отдельно стоящий Домик, около Железной Дороги, там, где начинается Стометровая Дорожка.

А рядом ещё два домика.

В Домике три комнаты, первая что-то вроде кладовой и прихожей, а две жилые.

Домик становится центром мира.

Горизонтальное солнце
на колоннах соснового ордера.

Домик в четыре оконца.

За оградой — лесной горизонт.

На земле, на крыше, на стенах
пятна солнца и тени.

У порога — живая бабушка
с ведром воды колодезной.

А его нет — убежал куда-то играть.

На западе Кухня.

Она общая на два домика и располагается между ними.

Это маленький открытый сарайчик, в котором стоит печка.

Дальше на запад ещё один домик на две семьи, с двумя входами с двух торцов.

Стометровая Дорожка, Колодец, Станция и чуть севернее Дом Лесника.

В той стороне в песке часто попадаются ружейные и пушечные гильзы, пулемётные ленты и другие железки, со времён гражданской войны, потому что немцы сюда не доходили.

И полузасыпанные окопы и воронки.

На северо-западе поближе стоит Домик-для-душа, но душ не работает.

Дальше — Жёлтая Аудитория, в которой занимаются слушатели Академии.

Это бревенчатый дом, наполовину врытый в землю. Что-то партизанское напоминает.

К западу от Желтой Аудитории есть Песчаный Холм, поросший молодыми соснами.

Самые высокие из них не выше головы маленького человека.

Присядь и ты увидишь лунки в песке.

Это муравьиный лев делает лунку, когда прячется в песок.

Когда муравьиный лев чуть пошевелится, песчинки тихо осыпаются в лунку.

Поэтому и говорят: «прелесть малого движения».

Ещё дальше — МедСанЧасть.

Потом Длинный Дом, в который их сначала поселили, а потом выселили в центр мира.

Ещё дальше среди молодых сосёнок уходит из лагеря песчаная дорога.

Очень-очень песчаная, с мягким, тёплым, мелким песком.

Дорога петляет, петляет и выходит к Озеру.

Здесь пляж.

Здесь солдаты и офицеры прыгают с вышки.

Здесь он учился нырять.

И учился плавать, но так и не научился.

Правее по берегу, где трава подходит к самой воде, в этой воде водятся головастики.

А противоположного берега нет, вместо берега Озеро переходит в Болото.

Говорят, что вода уходит туда, под Болото далеко-далеко, и даже кого-то как-то раз вода туда утащила и обратно не выпустила. Утонул.

На север от Домика в центре мира Белая Поляна, усеянная белыми тысячелистниками.

Через поляну идёт тропинка и приходит к Библиотеке.

В Библиотеке он берет книжки у библиотекарши тёти Зины.

Иногда там показывают кино.

Тысячелистника белое поле и сосны вдали.

Тысячи дней между ними туманом легли.

Не перейти через поле по узкой тропе.

Вниз уплывает по времени жёлтой реке.

Вдоль берегов бесконечной равнины простор.

Друга он встретит и долгий ведёт разговор.

О тысячелистнике детства закончит он стих,
а жёлтые воды уже разделяют и их.

Чуть восточнее Библиотеки и немного поближе к центру мира стоит Белая Аудитория, в которой занимаются слушатели академии.

Этот дом похож на господский дом помещичьей усадьбы, но не очень богатого помещика, дом деревянный.

Там он знакомится с китайцем, который потом приходит к нему в гости в квартиру № 11 дома №57 по Бакунинской улице.

Кроме китайцев военному делу учатся болгары и немцы.

Дальше на северо-восток — Баня.

Ещё восточнее и дальше — Полигон.

Как-то раз его берут туда ночью на стрельбища, и он смотрит, как по чёрному небу летят светящиеся линии.

Это трассирующие пули и снаряды.

Он стоит в блиндаже и смотрит на всё это, а офицеры ему что-то объясняют, а что он не запоминает.

Перед входом в Библиотеку круглая клумба с высокой вазой в центре.

Там все фотографируются.

От клумбы идёт аллея на восток.

Туда, где Спортивная Площадка: турники, брусья, козлы, кольца для баскетбола, сетка для волейбола, и всё что надо для прыжков в длину и прыжков в высоту.

Ещё дальше — Большая Столовая.

Он там был один или два раза.

А так они обедают в своём Домике, а еду готовят на печке и на керосинке или круглой электрической плитке.

На восток от центра мира ещё один домик — Домик Художника.

В военном лагере нужен художник, он рисует плакаты.

Чуть дальше Главный Вход в лагерь.

Только непонятно зачем: лагерь не огорожен, не считая низенького штакетника, да и он есть не везде.

С внешней стороны Главного Входа колея Железной Дороги, а дальше Лес.

Главный Вход высокий и белый, напоминает китайские триумфальные арки пайлоу, о чём он тогда, конечно, не знал.

Дальше на восток начинаются Палатки, в которых живут слушатели Академии.

Два длинных ряда Палаток с дорогой посередине.

Большие трёх-четырёхместные Палатки-с-кроватями.

Бывало так, что одни слушатели уезжают, а другие ещё не приезжают.

И тогда он находит в этом Палаточном лагере обёртки от бритвенных лезвий с интересными картинками и надписями на иностранных языках.

Ещё дальше на восток располагается большой дом, в котором размещается Штаб военного лагеря, там же телефонная станция.

За Штабом стоят дома, в которых живут офицеры с семьями.

Это самые хорошие дома, большие, крепкие, с высокими крылечками, не то что наш Домик.

Там он с ребятами иногда играет, они бросают дротики в цель.

На юг от центра мира, сразу за Железной Дорогой находится Полоса Препятствий для тренировки солдат.

Ему нужно её всю преодолеть: где-то проползти по-пластунски, пройти по бревну, перепрыгнуть через заборчики, перелезть через стенки.

А в конце находится Высокая Стена с двумя окнами: пониже и на самом верху.

Конечно, можно просто обойти Высокую Стену, но это было бы нарушением ритуала.

Дети, играя в войну, обычно используют нижний путь, но тот, кто не боится и поднимается до верхнего окна, видит солнце в небе.

Недалеко от Полосы Препятствий можно собирать белые грибы и землянику.

А если идти по шпалам на восток, то дальше справа в Лесу можно найти небольшое болотце с голубикой.

Её ещё называют гонобобель, а бабушка называет "пьяницей".

Она делает варенье и наливку.

Ещё дальше по шпалам, не близко, справа на юге увидишь Большое Болото.

Вблизи Железной Дороги оно заросло мхом и тощими берёзками.

Здесь собирают подберёзовики, подосиновики и клюкву.

Дальше трясина, она доходит до горизонта, но не там её предел.

Он видит далеко-далеко чёрточки мёртвых деревьев.

Не дойти до них.

Но и деревья не предел.

И неизвестно — что там?

О, если бы пройти Болото из конца в конец!

Есть ли земля на другом краю?

Что это за земля?

Он никогда не узнает этого.

Раньше он уже говорил, что рядом с Домиком были Качели.

К двум высоким соснам, стоящим рядом друг с другом, приделана железная палка, с неё спускаются верёвки к сидению.

Подходит знакомиться соседская девочка Оля, дочка художника из Домика Художника.

Между двух колонн сосновых,

державших зелёное небо,

задумчивые качели

поднимают и опускают мир.

И мама ещё молодая.

И бабушка ещё живая.

Подходит старушка,

ах, нет, она ещё девочка.

Качели подхватывают её улыбку,
взлетающую птицей,
и ветер уносит её далёко-далёко.
«Как тебя зовут?» — спрашивает девочка.
И он называет имя и отчество,
фамилию, должность и звание.
А в другом домике живёт девочка Нина.
Они дружат втроем.
Домик называется Домик-с-открытой-дверью.
В нём два входа и две комнаты, но в одной никто не живёт.
Дверь открыта.
Когда с неба на землю внезапно падает проливной дождь, можно
укрыться в пустом доме.
И в раскрытую дверь смотреть, как водяные струи льются с
вершин сосен на траву и корни, соединяются вместе и текут по
тропинкам земли.
Поэтому и говорят: «Встреча людей подобна проливному дождю».
Железная Дорога пересекает мир с запада на восток, и с востока
на запад.
Иногда по Железной Дороге проходят поезда.
Это бывает редко, но это означает, что связь с другими мирами
существует.
Поезда пересекают мир с запада на восток и с востока на запад.
Можно смотреть на них, когда они проходят через мир.
Поезда проходят не останавливаясь.
Поэтому и говорят: «Нет ничего печальнее Железной дороги».
Сосны высокие, очень большие,
маленькая девочка, ржавый пулемёт.
Станция старая, крыша дырявая,
по блестящим рельсам паровоз придёт.
Техника военная, солдаты, офицеры,
Дамы в белых платьях, слуги в сюртуках.
По песку проходят они мимо колодца.
У колодца мальчик с цепью в руках.
Медленно выходит из избы смотритель,
у него собака и ружьё в руках.
Солнце засверкало, стало очень жарко,
из-за леса ветер летел и прилетел.
Мелкие песчинки двигаются тихо,
из ведра вода капает на них.
Рыжая собака, зелёная ограда,
по блестящим рельсам паровоз ушёл.
Техника закопана, солдаты разбежались,

офицеры в лес ушли, слуги — в сюртуки,
 Дамы в белых платьях — стали одуванчиками.
 Рыжая собака по тропе бежит.
 Мальчик не уходит, он стоит и смотрит,
 борода топорщится и нога болит,
 он в избу заходит, ведро на лавку ставит,
 вешает на гвоздь старое ружьё.
 И оно не выстрелит больше никогда.
 Сосны высокие, очень большие,
 маленькая девочка, ржавый пулемёт.
 Этот мир каллиграфически выгравирован тонким резцом старого
 мастера небесных печатей в древнем стиле 54-й черты иероглифа
 «Полёт дракона» 龍.
 Неслышимый звук «У».

ПОТОК 10. КЛАДБИЩЕ

*Образно поток может быть представлен
 как дерево, из каждой вершины которого
 выходит по меньшей мере одна ветвь.*

(из интуиционистской математики)

20260322

Московская земля сухая, пыльная и с крошками угля, и кирпича,
 и ржавых железяк. А в лагере земля — это песок, он мелкий,
 светлый, он движется, но медленно, неуловимо глазом.
 Здесь время тикает тик-так, и часовые стрелки мерещутся в
 кронштейнах-флагодержателях, в пантографах трамвайных, и
 даже в палочке регулировщика. Там время тихо шуршит как в
 песочных часах или вовсе бесшумно как в солнечных часах.
 Здесь воздух ходит кругами во дворах. Там воздух прилетает
 издалёка, шумит в ветвях сосновых, и улетает дальше и вдалёко.
 Здесь стены, и пространство просачивается в подворотни, в арки,
 но дальше снова кружит в переулках. Там сосны верстовые
 столбы, пространство границ не знает и уходит на запад, на
 восток, на север и на юг.
 Здесь бледный серый день, что дождь, что солнце, всё равно, и
 купол неба не сияет. Там сплошное солнце, его лучи и пятна, и
 солнечные зайчики, и неба бесконечность голубая.
 Здесь в тишине лишь лязг колёс трамвайных, в котором слышится
 фантомный далёкий стук копыт и скрип телеги, скрывающейся
 там, за поворотом, и звук шагов на лестнице, и стук
 закрывающейся двери. Там в тишине лишь тишина, и шёпот

ветра, и шуршанье мотылька и шелест песчинок, лишь изредка гром железнодорожного состава, что приближается, гремит и удаляется, и снова тишина.

Москва на вкус напоминает хлебную горбушку. Тот лагерь на вкус напоминает голубику и хвоинку.

Здесь Дом. Там Домик.

Здесь. Там.

Здесь он родился, там он рождался, здесь он жил, там он не жил.

И здесь и там, что общего?

Неизъяснимо.

Время, в котором живёшь, сначала воспринимаешь как должное, потом как неправильное, в конце как неправильное должное.

В конце ему надело вспоминать, он ушёл в парк.

Дорожки то сухие, то мокрые.

То снег лежит, то грязь.

Грустно это.

Скамейки деревянные, высохшие, солнцем вытепленные.

Там, где грязь, сидеть неприятно.

Со скамейки, где сухо, где солнце, деревья, умирающие сугробы, лёд на озере.

Люди вдали и редко.

Кошка болеет, наверное, умирает.

Грустно это.

В литературе грустно, когда собака умирает, а не когда кошка.

Кошка независимая, загадочная, мистическая, собака верная.

Собака человека любит, кошка терпит.

Дяди, тётки, всё вы врётё.

Около дерева звёздочки, золотые и серебряные, после нового года остались.

Грустно это.

Когда умирает человек, это горе, когда умирает собака тоже горе, когда умирает кошка.

От того, что она независимая и пр., терпит и пр. ещё одиночее и грустнее.

Дорожки то сходятся, то расходятся.

Ветки кустов сухие и пыльные.

Отличаются от деревянных скамеек: те не расцветут, а эти расцветут.

Хотя и не верится.

В интернете котики, коты, котята, кошки, весёлые такие.

Грустно это.

В грязи следы от ботинок людей и копыт лошадей, которые катают детей людей.

У лошадей глаз грустный.

Собака пробежала, пронеслась, промчалась, прорычала на ходу.

Она знает, зачем бежит.

Ребёнок бежит, остановился, руками разводит, говорит недоуменно.

А кошка знает, что она умрёт когда-нибудь?

Или скоро?

Около стены дома из земли торчат жёлто-зелёные ростки какие-то.

Даже рождение грустно.

Через дорогу сугроб умирает.

Он похож на крокодила.

Человек верит в своё бессмертие, видимо, из чувства противоречия.

Добрый человек верит в бессмертие лошади, собаки, кошки, дерева, камня, наверное, и сугроба тоже.

Солнце весеннее, грустное.

Человек потому радуется, что грустно.

Он снова вспомнил.

Во дворе дома № 57 было грустно, и в школьном саду грустно, и в летнем военном лагере около домика и около колодца грустно.

Узнавание мира грустно.

Как будто это не узнавание, а прощание.

Он выходил из парадной, переходил Бакунинскую и шёл, петляя, переулками в сторону Яузы, потом вдоль Яузы, пытаюсь вчувствоваться в грусть и изнутри её понять.

Бессмысленно, бесцельно, беспричинно кружил.

Что нравилось ему в той стороне?

Запущенность.

И вздох состарившегося времени.

В конце времени (неправильно-должном) в онлайн-карте с панорамами улиц, дворов, переулков прошёл тот путь.

А он не тот.

Состарившееся время умерло.

Новое время не знало грусти, ещё не узнало, было глупым.

Вместо запущенной индивидуальности, от того и индивидуальной, что запущенная, от того и запущенной, что индивидуальная, была молодая унифицированность.

Теперь ведь старую вещь не чинят, её выбрасывают и заменяют новой.

И казалось, что даже Яуза перестала думать свои тяжёлые думы и текла бездумно.

И горбатые мостики, не задумываясь и не грустя, перешагивали Яузу.

Вот тоже.

За много лет парк на окраине Москвы похоронил и память, и время.

Но тут деревья есть, вода, земля.

Они сказали: это человеческое похоронено, а наше издревле, и сейчас и потом.

Ну, потеснилось от асфальта, а всё ещё есть.

Пока человек живёт, мир вокруг умирает.

Рождается другой мир, он для другого человека.

Потом всё повторяется, наверное.

Он сидит в своей комнате и смотрит на старые папки, рядами на полках.

Кладбище.